

ФИЛОСОФИЯ РЕМЕСЛА О НАРОДЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Аннотация. В духовной жизни сизигии (парности) выявлены К.Г. Юнгом. Они выражены также простыми вещами витальной культуры. Вещи дуальны: антропоморфны и конструктивны. В их генезисе функциональная часть содержит конструкцию, не всегда соотносимую с телом человека. Такая парность-сизигия вызвана мышлением в силу объектности человека. Это показывают суждения Простеца, изготовителя ложек и горшков, у Николая Кузанского. Простец-ремесленник доказывает Оратору-книжнику философскую значимость своего жизненного опыта. Оратор с ним соглашается. Ситуации этого ремесленника соответствует структуре мифа о сотворении человека Богом, а с другой стороны, устройству пещеры Платона. Неожиданным образом те же структуры демонстрируют навыки русских плотников, этнографически изученные. Эти странные факты понятны только с точки зрения однородных посылок методологического мышления. Выводы состоят в следующем. 1) Философия ремесла имеет корни в когнитивной и деятельностной практике человечества 2) Объектность человека стоит в центре ремесленной деятельности 3) Объектные отношения создают антропоценозные сообщества людей (аномия). 4) Антропоценозы порождают когнитивные творческие сизигии и сизигию народа и интеллигенции.

Ключевые слова: сизигии, герменевтика, Простец, ремесло, пещера Платона, антропоценоз, объектность, творчество, народ, интеллигенция.

1. Простец и сизигии

Мы обязаны К.Г. Юнгу введением в гуманитарную науку сизигий как инструмента герменевтики. Сизигия – особый вид концепта. Это связь комплементарных противоположенностей. Он применил термин к паре анимус – анима (к мужской и женской душе)¹. Цитирую Словарь аналитической психологии: «Юнг пришел к заключению, что образы парной сизигии «мужского – женского» столь же универсальны, как и само существование мужчины и женщины. При этом он ссылаясь на повторяющийся мотив мужских-женских пар в мифологии и на понятия Инь-Ян в китайской философии»². В одной из моих предшествующих публикациях (2008 г.) применялись термины «биполярная амбивалентность», «агональные мыслеобразы»³. Еще раньше (в «Лекциях по исторической этнологии» 1998 г.) я использовал термин О.М. Фрейдберга

«редупликация», ключевой для ее книг 1936 и 1978 гг., особенно для её «Лекций»⁴. Агональные мыслеобразы оказались более взаимозависимыми и лишь при поверхностном взгляде похожими на оппозиции. Сизигии явно не понятия. Это вариант концептов, превративших свои маргиналии в прочные смысловые сцепления. Сизигии выражают дуальные структуры мышления. Они лежат в основании культурогенеза, который вскрывается методом реконструкции.

К таким взглядам близко мощно резвившееся в науке синергетическое направление, возглавляемое В.И. Аршиновым, Е.Н. Князевой и их сотрудниками. Примечательно, что сизигийная точка зрения (без такого определения) представлена в самых свежих анализах соотношения этноса и нации⁵.

Сизигийные механизмы ощутимее всего на этапе движения к истокам явления при его вариативных реконструкциях. В культурах нового и новейшего времени они уходят с авансцены под влиянием

¹ Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон+, 2013.

² Сизигия // Словарь аналитической психологии. (<http://enc-dic.com/psyanal/Sizigija-221.html>).

³ Чеснов Я.В. Виртуалистика: философско-антропологический анализ. Саранск, 2008. С. 12-13

⁴ Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 9-172.

⁵ Сафронов А.Л. Нация и этнос как существенно различные социальные феномены: новая парадигма социогенеза // Философия и культура. 2014. № 7. С. 106-112.

институтизации. Все это мы увидим на примере мышления средневекового Простеца-ложечника.

Внимание к этому когнитивному персонажу началось после публикации замечательной книги А.Я. Гуревича⁶. Глубокая философская интерпретация образа была дана В.С. Библером⁷. В задачу настоящего исследования входит раскрытие некоторых герменевтических нюансов и расширений.

Николай Кузанский (1401-1464) в диалогах между Оратором и Простецом делает носителем мудрости простого ремесленника, полагающего основы мира не с помощью книг, а своего собственного опыта. Он делает опыт средством своей герменевтики. Кичливый Оратор-книжник, в конце концов, соглашается с Простецом (Idiota).

«Простец: Итак, я приведу символические примеры из ремесла ложечника, чтобы то, что я хочу сказать, легче воспринималось.

Философ: Пожалуйста, так и сделай! Я вижу, ты держишь путь туда, куда я стремлюсь.

Простец (*взявши ложку в руки*): Ложка не имеет другого первообраза (exemplar), кроме идеи нашего ума. Ведь если скульптор или живописец еще берет в качестве образца те или иные вещи, которые он старается воспроизвести, этого не делаю я, изготавливающий из дерева ложки и чашки, а из глины горшки. Такие ложечные, чашечные и горшочные формы создаются только человеческим искусством. Поэтому мое искусство является скорее искусством созидательным (perfectoria), чем воспроизводящим образы, уже сотворенные, и в этом оно более похоже на искусство бесконечное»⁸.

Чтобы понять суждение Простеца о ложке, совершим небольшой экскурс в ее историю. Появилась ложка в неолите вместе с гончарной посудой. Функционально она выполняет роль небольшой чаши, имеющей ручку. Примечательная черта этих двух компонентов в том, что в большинстве изделий независимо от эпохи и места изготовления ручка сделана из другого куска дерева, а потом присоединена к чашечке. Это черта сохраняется и в том случае, если ложка делается вся из одного куска де-

рева, как на Руси. Только тут ручка сделана как бы из другого куска. Ту же особенность мы обнаруживаем в совершенно очаровательной ложке-сосуде для умащений из Древнего Египта, хранящейся в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Ручка изготовлена в виде лежащей фигурки обнаженной женщины, которая держит сосудик в вытянутых руках. Фигурка эта сохранила связь не только с эпохой, когда керамические сосуды изготавливали женщины. Она прямо указывает и на докерамическую культуру охотников-собирателей, примером которых являются аборигены Австралии. У последних женщины носят на бедре деревянный лоток. В него собирают корни, насекомых. Могут посадить туда младенца. Вот такая праформа у изящного экспоната из Музея им. А.С. Пушкина.

В некоторых региональных традициях чашечка и ручка иногда не соединены. Последняя выполняет роль вилки. Соединение же частей имеет место в зоне ближневосточного и европейского злакового земледелия и приготовления похлебок из злаков. Но в области китайской и в соседних цивилизациях до сих пор при еде успешно пользуются двумя палочками. Это следствие тормозящего влияния тихоокеанских традиций, основанных на выращивании корнеплодов (таро, ямс, батат). Из их крахмала приготавливают блюдо в виде большой тягучей капли, которую из сосуда всасывают. При этом палочками берут кусочки мяса. Две палочки образуют довольно действенный инструмент, которым даже жнут злаки (просо и древние сорта пшеницы), что было известно баскам и грузинам (Н.И. Вавилов интересовался этим прибором). Да и в наших краях я видел, как опытные курильщики берут уголёк для папиросы из походного костра двумя палочками.

Еще одно замечание касательно непритязательной повседневной вещицы. Египетская ложка-сосуд нам показывает, сколь значимы представления о роли руки в пользовании предметами нашего обихода: изображены руки женщины, держащие сосудик. Этот предмет отсылает нас к философской антропологии человеческого тела, его роли в композиции вещей. Поэтому вещи обихода часто двучастны: есть «ручка» и функциональная часть предмета. Это сизигия, где предмет среды крепко соединен с образом нашего тела.

Вернемся к Простецу, жившему в середине XV века. Вряд ли он знал такие этнографические тонкости. Он находился внутри традиции, давно освоившей ложки. Он строгал их отнюдь не по об-

⁶ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

⁷ Библер В.С. Образ простеца и личности в культуре средних веков (Заметки на полях книги А.Я. Гуревича «Проблемы средневековой народной культуры») // На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. М., 1997.

⁸ Кузанский Н. Простец о мудрости. Книга 1 // Кузанский Н. Соч.: В 2-х тт. Т. 1. М., 1979. С. 391.

разцу, а так, как это делал его учитель, может быть, отец. Его ложки входили в витальную систему, были ее частью. Он мог бы спросить: «А как же есть иначе?». Эта форма утвари зависела от витальной организованности, но не от технологического образца. Форма передавалась не рефлективно. Ремесленник вовсе не властвовал над своим изделием. Оно рассматривалось как часть «естественного» человеческого тела. Напомним, что тело может быть иным и палочка, ручка ложки начинает выполнять иную и неожиданную роль. Так, у айнов Сахалина и Японии, которые являются самыми обволашненными людьми в мире, мужчины при еде палочкой поднимали кверху пушистые усы.

В истории с Простецом у Николая Кузанского есть еще один момент, достойный нашего внимания. Дело в том, что Простец выделывает свои ложки, сидя у храма, посвященного Уму. Эта ситуация заслуживает особого рассмотрения.

Пространство мастера Простеца соответствует древнему мифу о сотворении человека Богом в темном помещении из деревянной болванки. Творец рассчитывал на следующий день вдохнуть в создание душу. Но противник Бога, обманув стража (собаку) испортил творение, сообщив ему болезни и другие недостатки. Собака в награду от него получила пеструю шкуру. Этот миф известен народам Алтая, Тибета, Кавказа. Одна из историй в еврейской традиции о Элиззере повествует, как он, не имея монеты заплатить за вход, лежал на крыше Дома знаний под снегом, слушая мудрые беседы находящихся в Доме. Он закрыл собой световое отверстие. Люди забеспокоились, отчего это стало темно. Его нашли и ввели в Дом, не взяв с него за преданность знанию платы. История соответствует еврейской традиции считать ночь временем знания.

Обстоятельства мифа (подземное строение, снег) соответствуют реалиям гиперборейских северных широт. Эти реалии загадочны. Не менее потрясает связь мифа о сотворении человека с Платоновским сюжетом о пещере (трактат «Государство»). Так, с какой стати в пещере есть ширма, вроде тех, «за которыми фокусники показывают кукол»? Если соотнести эти куклы с деревянными болванками недоделанных людей в описанном мифе, то мы получаем ту же самую топикку у Платона. Пещера соответствует подземному строению, куклы – болванке, а все вместе взятое – проблема получения знания (в мифе – одушевлённости).

Остаётся совсем немного: констатировать аналогичность пещеры топике подвала Простеца,

в котором он из болванок делает ложки. Подвал расположен на площади около храма Ума. Топосы Николая Кузанского повторяют топосы Платона. А последние восходят к евроазиатскому мифу о сотворении человека в темном помещении, в чем кроме Бога участвуют его противник и собака-предательница, допустившая нечистого до исходной фигуры будущего человека. Последний наделал в фигуре 70 дыр, от которых у человека болезни. Цельность была нарушена.

Ремесленники внимательно следят, чтобы в предмете сохранить цельность как в ложке. Русские плотники сначала собирают сруб и лишь после прорубают окна, хотя это очень неэкономично. Из 48 бревен два становятся чурбаками. Примеры с ложкой и срубом показывают, что ремесленники относятся к изготовлению своих изделий как к акту творения. Дыры на фигуре человека были проделаны после ее создания. Окна-дыры тоже прорубают после сборки сруба. До этого сруб похож на темное помещение в мифе и на пещеру Платона.

Странная гомеоморфность изготовления ложки, сооружения сруба и рождения философской мысли.

2. Объектность человека действия (агента)

Простец Н. Кузанского отличается от мифологических персонажей тем, что творчески участвует в бытии. Порождающее бытие, которое описано в мифах, стало объектной задачей Простеца. В этой объектности Простец теряет часть своей субъектности. Как бы делегирует ее ложке. Тогда она, не имея образа, самостоятельна.

Осмысление объектности окрасило всю английскую позитивную философию. Оно было начато Д. Юмом и достигло определённости в философии А.Н. Уайтхеда. Сохранение объектности и субъектности в одном лице присуще агенту, если воспользоваться термином П. Бурдьё⁹. Агент этим присутствует в реальности, тем самым обеспечивая историчность своей миссии. Простец вписан своими трудовыми навыками в такую миссию. И он не только объективен, поставляя свои ложки для других, но и объектен. Он объектно размещен в витально-телесном антропологическом поле и там же располагает других.

Но задолго до философских рефлексий об объектности она была положена в основу народного мышления о витальных структурах.

⁹ Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.

Рассмотрим в этой связи эмбриональные представления. Наши исследования народных концепций зачатия показали, что их глубинный пласт сохраняет коннотации с технологией обработки камня¹⁰.

Глаголы вроде «долбил», «строгал» для мужских обозначений полового акта указывают на палеолитическую индустрию. В неолите Восточной Европы обнаружены керамические бобовидные предметы, которые мы проинтерпретировали как изображения эмбрионов. Плоды-двойчатки в этнографии расселённых здесь народов выполняют роль символов половой жизни и зачатия. Мысль тут такая: человеческая жизнь начинается объектно, эссенциально.

Тоже самое можно увидеть в обряде положения новорожденного в люльку. Кое-где до сих пор до ребенка туда помещают кошку или собаку. Здесь животное обозначает первое звено эмбриональной цепочки. Память о ней сохраняется в названиях первой детской рубашки («собачья» у казахов, «медвежья» у многих народов Евразии, «перьевая» у чеченцев). Дети рождаются сами, чередуясь в цепочке полом. Эмбриональная тематика видна и в обряде вхождения в новый дом. Даже перед вселением в современную квартиру в Подмосковье в неё сначала впускают кошку. Повальная ныне мода на содержание в домах разных животных восходит к обычаям объективации жилища.

Эмбриональная цепь лишь частный случай онтологического ряда в антропологии. Если начало эмбриональной цепи объективировано камнем, керамикой (женщины первые её изготовители), то конец человеческой жизни обозначен фитоментально («одеревенел», «погас» и т.п.). Дерево, метафора конца реальной жизни в онтологическом ряду, в мифологическом ее начале выступает, как мы видели, заготовкой тела человека. Ту же роль в Ветхом Завете выполняет плод дерева. Дело в том, что дерево предикативно стоит, не имеет возможности перемещаться (в отличие от камня, который кидают). Оно символ опасности для витальности.

Наш Простец причастен ко всей этой истории как обработчик болванки. Хотя он лишь аналог Творца, ни в коем случае не дублер и не товарищ, но он участвует в порождении и в осмыслении бытия в гораздо большей мере, чем велеречивый Оратор со всеми его книгами. Простец-ложечник

никогда не сможет быть соразмерным Творцу, ибо он не знает о своей вселенской роли. Но он искушен гордыней, как любой человек, и тоже кичлив.

Петроментальное начало жизни и фитоментальный конец образуют сизигию. Как представление об устройстве жизни сизигия первенствует. У многих народов мира живых существ положено считать только парами (наблюдал на Кавказе и в Средней Азии по отношению к людям и скоту). В русских легендах ведьма от второго выстрела оживает и т.п.

3. Антропоценоз в подмосковном городе. Пример¹¹

В предшествовавшем разделе было показано: что 1) человек как носитель ремесла объектен; 2) объектность обуславливает витальные связи людей, образующих антропоценоз. Философско-антропологический подход необходим для расширенного рассмотрения антропоценоза в качестве основания всего «мира человека». Антропоценоз такое глубокое основание, что его часто не видят. Но это необходимо делать, ибо антропоценоз образует парный полюс сизигии во всех осязаемых реалиях культурогенеза. Мой личный опыт строительства дома в г. Дедовске представляет определённый интерес.

Следует отдать должное русской крестьянской ментальности, которая отточила ценности своих антропоценозов и позволила анализировать его научно. Она выручала меня и в личной жизни. Обращусь к своему личному «плотницкому» антропоценозу. В начале 1970-х гг. мне нужно было собрать сруб и установить его на кирпичный этаж. Плотники заламывали невозможные для меня цены и не хотели уступать. А летний сезон шел к концу. В это тревожное время пришёл ко мне местный житель, у которого одно время я жил на квартире, Виктор Васильевич Курочкин. Когда-то он работал авиа-механиком в конструкторском бюро А.Н. Туполева.

В.В. Курочкин предложил мне рубить дом вдвоём за скромную плату, но хорошее двухразовое питание и выпивку. Я согласился. Но было сомнение в том, хватит ли нам знаний. В.В. показал, что несколько старых углов (бревна были перевезены) можно использовать и в ходе сборки понять, как они

¹⁰ Чеснов Я.В. Народная культура. Философско-антропологический подход. М.: Канон+, 2014. Раздел 3. Глава 1. Тайны деторождения. С. 312-336.

¹¹ В основу раздела положен текст: Вместо заключения. Утопия антропоценоза // Чеснов Я.В. Народная культура. Философско-антропологический подход. М.: Канон+, 2014. С. 489-494.

устроены. «А то, чего не поймём, спросим у людей». Так оно и случилось. Плотницкие умения прочно хранились в памяти многих жителей Дедовска.

В.В. четко опирался на 1) знание антропоценоза как основы ремесленной культуры; 2) на рациональность техники; 3) на доступность знания для тех, кто в нём нуждается. Последняя черта была хорошо проанализирована С.А. Никольским, выявивший «непреходящий характер присущих крестьянскому мировоззрению традиционно-фундаменталистских черт, его наполненность ценностями коллективного бытия»¹². Я бы добавил здесь, что трансляция этих ценностей обязана устной и визуальной передаче информации.

Жители моей улицы, построившиеся ранее, часто приходили на выручку. «Жить артелью веселее», говорилось. Это вербально выраженный архетип антропоценоза. «Веселье» - его жизнеутверждающий витальный принцип. Замечу, что наша с В.В. работа с утра до позднего вечера, была ещё и перформансом, находящемся в центре внимания соседей. Перформативность – неременная черта поведения участников антропоценоза как действующих лиц, так и наблюдателей. Одна соседка-старушка при мне говорила очень пожилому соседу, который сам ходил в магазин за продуктами помимо его молодых членов семьи: «Правильно делаешь. И на воздухе, и на людях». Говорится: «На людях и смерть красна».

Не по той же ли причине Прометей, мучившийся на скале, просил людей обратить на него внимание? Это перформанс – протостимул искусства и философии.

Но перформанс Прометея сизигийно связан с сокрытием, с тайной. Он укрыл от богов мясо быка, оставив им под шкурой кости. Шкура быка здесь так же связана с обманом, как пятнистая шкура собаки в мифе о творении. Этот миф, миф о Прометее и пещера Платона повествуют о тёмном помещении, где совершают культуругенное деяние. Вернёмся к строительству дома. Рубка сруба ведётся сначала в стороне от фундамента (в моём случае кирпичного первого этажа). Потом сруб «ставят на место», «сажают на мох». Пока сруб собирался в стороне мои помощники никак не хотели прорубать окна – дом должен быть целым. Этой целостностью он выхватывал нужное людям помещению

из светового пространства. Китайское начало Инь выгораживалось из Ян.

Однако русские плотники относились к световому пространству как к главному энергетическому источнику. Отсюда скрытое ощущение греховности стройки и своей собственной греховности. Это проскальзывало в разговорах. И уж куда дальше: «Дом строится на чью-то смерть». Вспомним, что Прометеевский дар огня обернулся для людей появлением смерти. Стройка оказалась в одном ряду с сотворением человека и Платоновской пещерой.

В народной культуре настороженное отношение к инструменту. Как, впрочем, и к труду. Старые мастера мне говорили, что раньше столяр должен был уметь связать оконную раму на колене. Конечно, это вовсе не означало отказа от удобного верстака. Это просто аналог легенды о том, что плотник, завершивший строительство собора в Кижях, выбросил свой топор в озеро. Василий, мой сосед с другой улицы, с которым я редко встречаюсь, сказал о бегущих годах нашей жизни, что они «как топорики». Очевидно, он имел в виду плотницкие засечки. Но образ, им выбранный, тревожен в силу инструментальной коннотации. Это говорит о том, что антропоценоз вне производства. Здесь трудоголиков не любят. Просто потому, что это противоречит идее золотого века. Труд сопряжен со страданием. «Помучиться – получится», - говорил мне мастер, устанавливавший сантехнику.

При укладке матицы плотники проводили специальный обряд-угощение. К бревну была привязана корзинка с водкой и закуской. Веревку торжественно перерубили. Добытая снедь была весело добавлена к уже неплохому регулярному питанию. На питании надо остановиться специально.

Пищевое изобилие тянется из мифа о золотом веке. Золотой век – направленность времени к нам от первоначального изобилия. Кстати, там же расположен источник знания. У тибето-бирманских народов Индокитая есть представление о «Скале, которая всё знает». Эта скала раскололась. Из неё вышли божества, первый жрец и первый сказитель¹³. Скальное время часто встречающаяся парадигма. Так, у балкарцев есть мнение о первоначальном времени, «когда мы под скалой сидели и зайчатиной питались». (В данном речении есть намёк на получение благ исламской цивилизации). В развитых философиях миф о золотом веке преоб-

¹² Никольский С.А. Земледелие и крестьянство как природно-историческое явление // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 13-24.

¹³ Чеснов Я.В. Тибето-бирманские народы // Мифы и религии мира. М., 2005. С. 178.

разуется в строгий монотеизм у Николая Кузанского: «Всё от Бога».

В русской традиции скальный нравственно-знаниевый мыслеобраз выступает как Мать-сыра-земля, как Земля-кормилица. Мыслеобраз святости земли доминирует в восприятии русского национального ландшафта Лес, воды и пашни, как завет золотого века, становятся составными частями антропоценоза, вместилищем свободы. Дом из бревенчатого сруба – жилище золотого века.

Скальное время золотого века эссенциально, организовано по принципу «здесь и сейчас». В Дедовске еще в 1960-ые гг. в винном отделе магазина работала продавщица по фамилии Агаева. В любое время ночи она также продавала водку у себя дома. Население ценило её услуги. Памятью о ней осталось название большого продуктового магазина «Агаиха». Своеобразное свидетельство о золотом веке. Памятник в городе погибшим в Отечественную войну – тоже знак каменного начального времени – непоколебимости устоев жизни. Около памятника лавочки, где всегда присутствуют те, «у кого есть».

В изначальных структурах города Дедовска еще ощутимы черты золотого века с его чудесным изобилием и добротой. Пусть это миф. Но он расширяет когнитивные и нравственные пределы реальности. Для Дедовска черты излагаемого мифа несут мобилизующую функцию. Но ведь такую же структурирующую и мобилизующую роль выполняют и государственные мифы, в которых особенно сильно представлены «начальные времена», видимые духовному взору Д.С. Лихачева. Миф вещественен. Это утверждали О.М. Фрейденберг и А.Ф. Лосев¹⁴. А В.В. Библихин отметил фетишистское начало в любой мифологии¹⁵. Это и понятно, ибо, если миф – знание, то оно, хочешь-не хочешь, хотя и не порождает образец, но его творчески сохраняет.

При всем том ментальность антропоценоза далека от фатальности. Удивительное мнение мне однажды высказал Анатолий Морозов, работающий в Москве таксистом. Я как-то спросил его: «А в чём смысл жизни?». Анатолию вопрос не понравился, он назвал его «неправильным». И объяснил, что можно как угодно падать (он алкоголик), но всегда есть возможность подняться.

¹⁴ Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 458.

¹⁵ Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 71. (Серия «Bibliotheca Ignatiana»).

Правда золотого века неизменна. Человек же, живущий сизигийно в потоке этого времени, может оступиться. Но будет жить надеждой исправиться. Перед нами этический энергетизм в чистом виде.

Такой энергетизм распространяется на космос. Иностранцы всегда отмечают странную для них склонность русских людей часто говорить о погоде. Это происходит от насыщенности русской этнической жизни отношениями по антропоценозу. Они интенционально охватывают даже климатический (вселенский) уровень. Погода – также фактор времени, за мрачными днями последуют светлые. Как и праздники, которые исправно отмечают.

Как бы то ни было, государству (культуроценозу) следует иметь программу по охране антропоценозов. Такое отношение к традиционным антропоценозам выработано в Англии и Дании (National Trust). Важно, что местные антропоценозы и большие антропоценозы (Подмосковье, Родина) вовсе не соотносены по принципу «малая родина» и «большая». Местный антропоценоз находится не в иерархическом отношении к Родине, а в топологическом равенстве. Поэтому включение молодежи в местный антропоценоз автоматически соотносится с интимным отношением к Родине как к своему антропоценозу.

Антропоценоз беспредметен и поэтому не поддается строгому определению. Он меняет тематизмы, структуры и морфемы внутри жизнедеятельности людей. Трудно провести границы антропоценоза. Именно поэтому человек в антропоценозе не становится до конца «своим». Вряд ли это можно сказать и обо мне. Дело не только в том, что у меня «два образования» (у всех моих соседей нет высшего образования). Хотя удвоение (сизигия) моего образования примечательно. Само удвоение восходит к ментальной дуальности мыслеобразов. Как было отмечено выше, удвоение эмбрионально и породительно. Упомянутое мнение обо мне похоже на слова одного крестьянина-абхаза, который по делам приезжал в Москву и остановился в моем доме. Мне доставляет удовольствие их привести. Он сказал: «Ты такой умный, что тебе не один цилиндр надо носить, а два». Слова абхаза отсылали меня к скальному времени изобилия.

При всем том мои знания неприменимы в повседневной жизни моих соседей в отличие от их знания: я хожу за советом к маляру, каменщику, сварщику. Иногда меня просят о помощи в простых работах, например, поставить автомашину на бок, чтобы покрасить днище. Одалживаю инструмент,

помогаю стройматериалом, как и они. Такая помощь даёт мне право и надежду быть членом антропоценоза, считаться «мужиком». Но напрасно. Об одном хорошем враче, который стал оказывать услуги за взятку, сказали: «Был мужиком, а теперь нет». Объективно он выпал из антропоценоза. Но я-то не беру взятку и всё равно «чужой».

В конце концов, я понял, что дело не во мне. И даже не в том, что «чужой» должен быть в коллективе. Все представители антропоценоза «свои» и «чужие» друг для друга. Иначе быть не может: ведь в объектном состоянии нет места субъектным ценностным отношениям. Не случайно, что обитатели верхней части моей улицы не дружат с теми, кто живёт ниже. А в принципе все автономны и чужды друг для друга. Каждый готов в подходящей ситуации сообщить на другого некий компромат. Это тоже аспект «знания». Вот почему специфическое знание-свидетельствование основное для антропоценоза.

Антропоценозы утопичны и хрупки. Но они воспроизводятся на биоэтическом уровне. Этот уровень организован сизигийно.

4. Кто же такой народ?

На каждом новом повороте исторического развития многонациональной России нам надо сверять свои исследования с теориями народа и нации. Одна из заметных концепций была создана Ахедом Гаджимурадовичем Агаевым (1924-2003). На её феномен надо смотреть не как на изолированное явление, а в его порожденности уникальной ситуацией Дагестана, судьбами всей России и, естественно, общенаучным климатом его эпохи. Черта последней напряженное философское и социологическое творчество Александра Александровича Зиновьева (1922-2006). Не надо доказывать, что сопоставление идей этих двух мыслителей окажется весьма полезным.

В постановке проблемы философско-антропологического рассмотрения категории «народ» мы будем использовать герменевтический метод, позволяющий обнаруживать в культурной реальности скрытые тексты. Как правило, их наличие мотивировано религией, и в практической жизни они выступают в виде той или иной степени сакральности¹⁶. Примером герменевтической са-

кральности является положение А.Г. Агаева о национально-духовном генофонде, более значимом по его справедливому мнению, чем другие, важные, но не результирующие обстоятельства. Этот подход исходит из антропологического определения культуры П.С. Гуревича, который в ней видит «феномен, рожденный незавершенностью творческой деятельности человека, направленной на поиск сакрального смысла бытия»¹⁷. На основании антропологической незавершенности человека и одновременной его разомкнутости к высшим смыслам бытия мы ввели понятие об антропоценозе как базового биоэтического уровня человеческого общежития¹⁸. Теперь проанализируем, хотя бы кратко, саморазвитие внутри антропоценоза народа как биосоциального организма.

Для нас принципиально утверждение Агаева том, что «бытие народа шире, чем национальное бытие»¹⁹. Здесь понятия народа и нации в смысловом плане смещены по отношению друг к другу. Эта смысловая смещенность происходит в силу экзистенциальности обоих понятий – они самостоятельно и по-своему открывают человека к Абсолюту и к миру. Народ и нация одинаково создаются человеком, которому, по определению Бл. Августина, свойственно тяготение к Богу. Если это так, то почему возникает двойственная сизигийная ориентация человека? Ведь дело, конечно, не в маркировке всего народного какими-то эпитетами, ставящими народ на низший уровень в сословно-классовом обществе.

А между тем именно так было у самых ранних классиков европейской культурной традиции. У Цицерона в его знаменитой «Филиппике против Марка Аврелия» (44 г. до н.э.) *nations* (*natio* «рожденный») противостоит *civitas* (общине, государству)²⁰. Русское «народ» тоже обозначает «народившихся», «на-род-ившихся». На чем же? Конечно, на земле. Народ разомкнут к земле, к пространству, в котором народ центробежен по факту размножения. Он находится на древнем маршрутном пространстве охотника, кочевника, воина, бродячего

¹⁷ Гуревич П.С. Философия культуры. М., 2001. С. 37.

¹⁸ Чеснов Я.В. Народная культура. Философско-антропологический подход. М.: Канон+, 2014.

¹⁹ Агаев А.Г. Нациология: философия национальной экзистенции. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1992. С. 126.

²⁰ Nation // Harper D. Online Etymology Dictionary. 2011. (http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=Nation&searchmode=none).

¹⁶ Чеснов Я.В. Герменевтика скрытых текстов // Философия и культура. 2013. № 5. С. 680-691.

барда-поэта, странника и проповедника. Из этого пространства приходят к женщинам тотемные эмбрионы детей. В глубинных восприятиях времени и пространства кроется ответ на вопрос о том, почему у евреев национальная принадлежность передается по матери. Этой традиции тысячи лет. И дело вовсе не в исторических или бытовых причинах вроде трудности определить отца и прочих квазибиологических домыслах. «На-род» даёт как земля-мать, так и мать-женщина²¹.

В архаике известны странствующие лекари и металлурги, носители других знаний. Здесь личность противостоит коллективу. И здесь, как это было показано А.А. Гусейновым²², впервые формируется мораль и поведенческий выбор. Вот так мы опять подошли к нашему тезису относительно того, что народ состоит из изолированных личностей, но нуждающихся в наличии других, чтобы в ином человеке, даже в «чужом» увидеть самого себя. В добытой дичи, в неизвестном умысле, в неизвестной мелодии (ее даже покупали, например, у папуасов). Отсюда у народа тяга к новому, к странничеству в пространстве, что в огромной степени выражено у молодых людей в отличие от домоседства сенильных возрастов.

Молодые люди в любом обществе тяготеют к его нормам. Ищут вольницу. На Руси в степях, лесах и на Волге. На Кавказе в горах и в плавнях. Скандинавы – в море, где становились викингами. Испанские идалго доплыли до Америки. Если вернуться к Кавказу, то в этногенезе его народов явно сказались духовная ориентация молодежи на горы, что отразилось в нартском эпосе, в лезгинском о Шарвили.

У нас теперь вырисовываются два пространственно ориентированные понимания народа. Предикатом первого легко выступают этнические определения. Второе легко свелось к определению «национальный». Так, в упомянутой книге А.Г. Агаев вводит определения «национальное бытие», «национальная жизнь», и даже «национальное время» и «национальное пространство». Эти понятия меньше связаны с редуکتивно-хтонической подоплекой, нежели в первой модели понимания

народа, где возможно выражение «этническая родина», но никак «национальная родина». Зато народ во втором понимании маркирует время – события своей собственной истории, память предков и почивших героев. Ареал обитания народа, взятого во втором понимании, весь маркирован мемориалами. В нём исходно значима роль женщин и сенильных мужских возрастов, обеспечивающих воспроизводство поколений и воспроизводство традиции. Итак, одно понимание народа ориентировано на пространство, другое на время.

А.А. Зиновьев к проблеме народа подошел, опираясь на второе понимание народа, на локальный аспект пространства. Начиная с «Коммунизм как реальность»²³ до «На пути к сверхобществу»²⁴ и выступлений после, он делал акцент на коммуналности, возникающей из скопления людей на определенном пространстве. Оно локусное, а не маршрутное линейное. Тут не виды деятельности, а сами отношения формируют общественные институты, которые нормируют аспекты власти. В работе 2000 г. Зиновьев предпочел говорить не о коммуналности, а о «коммунальной жизнедеятельности», очевидно, с целью оттенить развитие своих взглядов. Такие образования Зиновьев предложил именовать «человейником», употребляя для его ядра или основы термин «народ». Значит, в «народе» он видел не центробежно расширяющееся сообщество людей, а центростремительное ядро потестарной единицы. То, что у Цицерона определено термином *civitas*. Народ в данном смысле зависим от власти. Она смогла создавать многомиллионные образования, сложные человейники. Это не обходилось без идеологии и было путем к тоталитаризму, что повсюду подчеркивал Зиновьев.

При внимательном взгляде на данную парадигму, казалось бы, естественные образования вроде рода и племени, на самом деле оказываются идеологическими. Поэтому онтологически базовыми служат не они, а этногенез, т.е., в нашем понимании, длящийся процесс самопорождения народа. Он представлен как в крупной этнической общности, так и в совершенно малочисленной и наблюдаем в наши дни. Вывод приложим к этническим процессам в Дагестане, где в рамках дагестанской социально-политической нации должно быть место для этногенеза всех в нее входящих народов.

²¹ Тема подробнее раскрыта в статье: Чеснов Я.В. Генетические представления в менталитете чеченцев // Культура Чечни. История и современность. М., 2001. С. 154-163.

²² Гусейнов А.А. Мораль // Общественное сознание и его формы / Предисл. и общ. ред. В.И. Толстых. М.: Политиздат, 1986. С. 144-202.

²³ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1980.

²⁴ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000.

В нашем толковании проблема этногенеза отличается от теории Л.Н. Гумилева. Он, прежде всего, в этногенезе видел результат, а процесс сводил к диахронии, проходя мимо синхронных антропологических закономерностей. Решение всех частных проблем народа с позиций сакральности предпринял Владимир Соловьев: «Идея **нации** есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что **Бог** думает о ней в вечности»²⁵. В каком смысле употреблен здесь термин «нация»? В какой из анализируемых нами парадигм? Ни в первой и не во второй. Мысль Соловьева перекрывает оба значения. Она вскрывает сизигийную суть философского понятия о народе, доведенного до предельной сакральности. Как мы, сами составные частицы народного тела, узнаем, что Всевышний о нас думает? Через других, таких же, как мы людей. Это происходит, тогда, когда мы очистим наше сердце от самомнения и эгоизма, станем свободны и терпимы. В высказывании о нации Владимир Соловьев разрывает причинно-следственные связи мира, идя, кстати, по стопам суфия Абу Хамида аль-Газали (XI-XII века). Они оба указали нам предел понятий о народе, который короче всего выражается фразой, что «Вселенная не наша». Само-развитие первоначального сизигийного понятия о народе, народившегося и воспроизводящегося, ограничено пределами Вселенной, о которых всегда стоит подумать. К тоталитаристской исключительности ведет потеря сизигии.

5. Сизигия интеллигенции

В дуальный мыслеобраз народа в России входит парная сизигия «народ – интеллигенция». Самый свежий подход к проблеме интеллигенции – биоэтический. Он подводит под проблему философско-антропологическое основание²⁶. Попробуем продолжить это направление.

Гипотеза здесь такова. Народ и интеллигенция образуют биоэтическую сизигийную пару на витальном уровне. Но сознание интеллигенции в силу монадической организованности фундаментального знания «смещается» в сторону автономности и порождает у людей мифическое ощущение полноты, изобилия и избраннычества, которое опасно.

²⁵ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 2. М., 1988. С. 220.

²⁶ Тищенко П.Д. Голос, рождающийся на кончике пера: философско-антропологическое размышление о природе интеллигенции // Архэ. Вып. 6 / Ред. И.Е. Берлянд. М.: РГГУ, 2011.

Возникновение интеллигенции в России при всех ее связях с народом обязано централизованному государству. Наша задача эту связь реконструировать. Жизнь толкала Готфрида Вильгельма Лейбница (1646-1716) и Петра Первого навстречу друг другу. Познакомились вроде бы случайно в 1697 г. Затем не раз встречались. И, в конце концов, Лейбниц подружился с Петром Первым²⁷. Свидетельства тому не только пенсия в 2 тысячи талеров и титул советника юстиции от последнего. Дружбе может быть помогла генеалогия Лейбница, отец которого происходил из сербо-лужицких славян. Можно предположить, что фамилия Лейбница идет от реки Эльбы (Лабы по-славянски). Интерес Лейбница к России похож на интерес Ницше вообще к Востоку. У Ницше была настойчивая идея искать в своей генеалогии польское происхождение. Но, как бы то ни было, главный результат для России встречи двух неординарных людей, царя и ученого, сказался в создании Петербургской Академии наук.

Эти события, несомненно, выявили признаки русской интеллигенции в том виде, который стал известен миру, - свобода в творческом выражении и социальная зависимость от государства. И не столь важно, что сам термин на Руси появился где-то в первой трети XIX в., кажется, в масонских кругах.

Юнгиански настроенные ученые могут увидеть в судьбе нахождение между двумя противоположностями нечто архетипическое. Дескать, никуда не деться: быть интеллигентом – длящаяся казнь под оскорбительные вопли толпы при попытках к самобичеванию. Это распространеннейшее самомнение.

Вернемся к самому началу. Ученый и царь встречались несколько раз. Даже за два года до смерти Лейбница. Для русской интеллигенции и Академии наук все это особенно примечательно и важно, Дело в том, что именно тогда Лейбниц интенсивно работал над философской теорией монад, опубликованной уже после кончины гения.

Опираясь на его учение можно, обосновать идею монадности фундаментального научного знания. При постановке проблемы монадности сам Лейбниц исходил из философской теории Б. Спинозы (они встречались) о субстанции, которая у

²⁷ Анри В.А. Роль Лейбница в создании научных школ в России // Успехи физических наук. Т. 169. С. 1329-1331. (<http://ru.wikisource.org/wiki/>).

последнего есть «то, что существует само по себе и представляется само через себя». Такая субстанция у Спинозы неделима, но делимы лишь видимости конечных и конкретных предметов. Лейбниц, осмысляя философию Спинозы и его предшественника Р. Декарта, отказался от тезиса единой субстанции и обратился к концепции множественности монад.

Если идти от сути учений Спинозы и Лейбница, то неделимость и монадность можно соотносить с современным понятием саморазвивающихся систем через самоподобия вроде фрактальности и мимесиса. Иное происходит в народной культуре. Последняя базируется на глубинных протознаниевых пластах²⁸. Здесь важно не самодовлеющее, а эмпирическое знание, которым маркируется присутствие человека. Для сентенции «знаю я тебя!» нужна самая минимальная осведомленность и констатация субстанциального присутствия. Кого-то «поставить на место» можно при субстанциальности места. Тут человек становится объектом. Поэтому его можно редуцировать²⁹. И тогда он фрактально и миметически распространяется. Напомним, что монаде, по Лейбницу, свойственно восприятие и стремление. Это Лейбницевские термины для субстанциальности места и миметической фрактальности.

Присутствие есть корневая черта интеллигенции. Казалось бы, там, где этого и не видно, не нужно и почти невозможно. Ее присутствие не отвечает на вопросы «зачем» и «для чего». Такое присутствие наделяет интеллигенцию свойствами мыслеобраза. Быть интеллигентом значит находиться для окружения, для народа в состоянии мыслеобраза. Он не обозначен нормативно. Поэтому-то нельзя сказать «я интеллигентен», как нельзя сказать «я совестлив». Умаление субъектности ставит интеллигенцию в неизменно парное, сизигийное отношение к народу. Хотя она в своем самосознании всегда претендует на монадность.

Итак, интеллигенция себя наделяет монадностью. Это люди, которые воспринимают и стремятся. Что воспринимают и куда стремятся, зависит от

массы обстоятельств. Л.Н. Гумилев назвал проявления таких качеств «пассионарностью». Действительно, в функционировании интеллигенции есть энергетические элементы. Ну, хотя бы страдание.

В монадности нельзя не почувствовать усталости на системность. Но монадность уже у самого Лейбница вызывала необходимость ответить на вопрос о возможности творить новое. Выход предлагался в событийности. Новое как событие наполнено субъектностью. Решению этой проблемы свои усилия посвящены философии Э. Гуссерля, А. Бергсона, А.Н. Уайтхеда, Ж. Делёза. Лейбниц, как позже Уайтхед, видели основу субъектности в свойстве события распространяться. Первоначальный элемент обладает целостностью, последующие – субъективирующиеся части первоначально-го элемента.

Помня о принципе монадности в организации фундаментального знания, теперь обратимся к нашей современности. Речь идет о витальном аспекте науки. Современные организации труда научных исследователей, как показывает Силиконовая долина, обнаруживают биотехнологическое единство с исходной человеческой деятельностью – охотой. Только в одном случае целью выступает добыча, а в другом некий ментальный продукт.

Это объясняется человеческой универсалией, в основе которой лежит структурирование маршрутного пространства, на котором реально находится охотник или виртуально научный работник. Первобытный охотник в погоне за дичью произносит заклинание, расчленяющее ее тело («...поражаю тебя в печень, в сердце» и т.д.). Тем самым он уже десакрализует дичь, не давая ей уйти куда-то в бесконечность. Десакрализация ритуально изгибает маршрут, в конце которого добыча оказывается на стоянке, маркируя завершение витка спирали. Появление добычи сообществом воспринимается как факт ожидаемой эмерджентности (спонтанности). Благо природы тогда воспринимается пришедшим по своей воле. Это та самая благодать, которую Аристотель называл «фронезисом».

Маршрутное пространство накладывается на обжитое ареальное. И в более поздние эпохи люди знания приходили с маршрута: барды, лекари, металлурги и т.д. Ранг такого хождения столь высок, что боги и герои-демиурги иногда выступают в роли странников, а в китайском языке иероглиф «человек» означает «идущий». Школа перипатетиков (Аристотеля) произошла от ритуальных шествий.

²⁸ Чеснов Я.В. Герменевтика знания в народной культуре (Специальная теория антропоценоза) // Философия и культура. 2014. № 3. С. 413-425.

²⁹ Редупликация мира, открытая О.М. Фрейденберг (Мифы и литература в древности. М., 1978) как методология антропологии мной была раскрыта в книге: Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарики, 1998.

В маршрутном пространстве человек открыт к миру, к встрече с неожиданным в пути. У Плотина и неоплатоников «путь души» – отрыв от здешнего мира, поиск мудрости. Но этот путь изогнут. Поэтому русская «верста» происходит от слова вертеть, тоже латинское *versus* – поворот, литовское *wartas* – «длинна борозды». Спираль эмерджентности плодоносна, но очень длинна. Кроме того, эмерджентность до конца не одомашнена. Поэтому так длительна была эпоха первобытности.

Усилие по закреплению сакрального вводит поселенческое домашнее пространство. Это и хутор, и город, и государство. Оно ареально и не такое поисковое, как маршрутное. Оно консервативно и автономно. Обладает сакрализованным центром: храмом, к примеру, историческим памятником. Здесь располагается административная высокая инстанция. Сама терминология такого пространства говорит об остановке: русское и украинское «станция» происходит от «стана», «остановки». В компактных поселениях сгущаются социальные связи, проведено деление на «своих» и «чужих».

Примечательная черта поселения уже не «приходящее счастье», а телескопия блага, выходящего из рога изобилия. Это распространенная мифологема: поселения и государства ожидают блага. В претензиях к Академии наук есть требование быть ей рогом изобилия. Этим рогом в свое время успешно манипулировал Т.Д. Лысенко.

Накладывание маршрутного пространства на ареальное создает эффект возрастания социальной и ментальной избыточности, за которой появляются образцы, мода. В древней Греции с ее особой самонадеянностью избыливающего поведения, включающего недопустимое (скверна-миазма, преступления Эдипа), были призваны бороться Элевсинские мистерии. Там существовали специальные маги-очистители. Люди тогда не теряли способность удивляться, обнаруживать необычное (нуминозное) и прекрасное. Излишняя избыточность снималась, и у человека оставались самые необходимые связи и представления о собственной судьбе (руководитель-иерофант объяснял юношам, какую им избрать профессию).

Оказывается, что в принципе сейчас мы и в демократических обществах живём в основном так, предусмотрительно не расширяя круг своих компетенций. Ричард Кох, бизнесмен и философ, удачно сказал о деревне, «которую каждый из нас носит в своей голове». Кох также расширил толкование закона Парето: (1897 г.): «20 % усилий дают

80 % результата, а остальные 80 % усилий – лишь 20 % результата»³⁰. Первобытный охотник работает именно так, что четыре пятых бросков его копья достигали цели. Охотник избегает миазмического разнообразия усилий.

В этнических культурах всеядность ограничена системой табу. В них повседневное слито с сакральным. Они вместе противостоят миазмическому, табуированному, мерзости. Слишком упрощено писал об оппозиции сакрального и профанного М. Элиаде. Отвержение скверны присуще и повседневности и сакральному.

Научный работник обладает своей мудростью: он не ходит по всей спирали эмерджентности. Он пробивает ее напрямую, оставляя в стороне изобилие других решений. Он когнитивно ориентирован в онтологическом поле компетентности, создающей субстанциально новую структуру мира. В этом особая черта биотехнологии знания, не порвавшей связей с антропологическими универсалиями порождения, возрастания и хранения знания. Эти универсалии относятся как к автономии поселения, так и к автономии личности. Монадичность творческого сознания очевидное средство избежать дурного изобилия.

При Петре был выпущен духовно-нравственный джин из онтологического запечатанного кувшина. Джин долго и в разных странах набирал силу. На Руси интеллигент вываривался так, что время от времени преждевременно вырывался на свободу скоморохами, богатырями, страшными бунтами и кабацким веселием. Такой пассионарности хоть отбавляй.

Однако миазмически избыливающая темница, пребывать в которой можно через соблюдение множества табу, русской интеллигенцией всегда воспринимается как родной дом. В этой среде ей вменено было, несмотря на все сомнения Н.А. Бердяева, высказанное в 1907 г., литургически служить своему народу. Самочувствие русской интеллигенции выразил А.А. Блок в статье 1918 г. «Интеллигенция и революция»: «...смешанное чувство России: тоска, ужас, покаяние, надежда». Такая интеллигенция не страта, не категория носителей позитивного знания, обозначенная «образованщиной» А.И. Солженицыным, поддержанного Д.С. Лихачевым. Она в своей покаянной части (следуем «Вехам») – сам народ. Он появляется на сцене всегда как бы некстати, самозвано. Так же, как и его интеллигенция.

³⁰ Кох Р. Принцип 80/20. М., 2004.

Идя философско-антропологическим путем, мы выявили, что русская интеллигенция существует на основе того же знания, что и народ, - витального знания о месте для них в мире. Но русская интеллигенция в своей присутствующей телесности появилась при Петре I. Для нахождения смысла ее существования нам пришлось обратиться к прошлому – к этнофунду России с его концепцией антропоценного знания. Теперь мы

получаем сизигийно взаимосвязанные параметры объяснения ментального потенциала России и ориентиры для будущего страны. Интеллигенция необходима народу тем, что способна предупредить его об опасности миазмического изобилия. По этой своей функции в России она близка священству. Поэтому вовсе не зря Академию наук толи иронически, толи почтительно называют «храмом науки».

Список литературы:

1. Агаев А.Г. Националогия: философия национальной экзистенции. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1992.
2. Анри В.А. Роль Лейбница в создании научных школ в России // Успехи физических наук. Т. 169. С. 1329-1331. (ru.wiki sours.org. wiki).
3. Библер В.С. Образ простеца и личности в культуре средних веков (Заметки на полях книги А.Я. Гуревича "Проблемы средневековой народной культуры") // На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. М., 1997.
4. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos. 1994.
5. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
6. Гуревич П.С. Философия культуры. М., 2001.
7. Гусейнов А.А. Мораль // Общественное сознание и его формы / Предисл. и общ. ред. В.И. Толстых. М.: Политиздат, 1986. С. 144–202.
8. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1980.
9. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000.
10. Кох Р. Принцип 80/20. М., 2004.
11. Кузанский Н. Простец о мудрости. Книга 1 // Кузанский Н. Соч.: В 2-х тт. Т. 1. М., 1979.
12. Никольский С.А. Земледелие и крестьянство как природно-историческое явление // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 13-24.
13. Сафронов А.Л. Нация и этнос как сущностно различные социальные феномены: новая парадигма социогенеза // Философия и культура. 2014. № 7. С. 106-112.
14. Сиземская И.Н. Русская интеллигенция и власть // Философия и культура. 2011. № 6. С. 39-47.
15. Сизигия // Словарь аналитической психологии. (<http://enc-dic.com/psyanal/Sizigija-221.html>).
16. Соловьев В.С. Сочинения. Т. 2. М., 1988.
17. Тищенко П.Д. Голос, рождающийся на кончике пера: философско-антропологическое размышление о природе интеллигенции // Архэ. Вып. 6 / Ред. И.Е. Берлянд. М.: РГГУ, 2011.
18. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
19. Чеснов Я.В. Виртуалистика: философско-антропологический анализ. Саранск, 2008.
20. Чеснов Я.В. Генетические представления в менталитете чеченцев // Культура Чечни. История и современность. М.: Наука, 2001. С. 154-163.
21. Чеснов Я.В. Герменевтика знания в народной культуре (Специальная теория антропоценноза) // Философия и культура. 2014. № 3. С. 413-425.
22. Чеснов Я.В. Герменевтика скрытых текстов: миф, титанизм и долгожительство // Философия и культура. 2013. № 5. С. 680-691.
23. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарика, 1998.
24. Чеснов Я.В. Народная культура. Философско-антропологический подход. М.: Канон+, 2014.
25. Чеснов Я.В. Тибето-бирманские народы // Мифы и религии мира. М., 2005.
26. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон+, 2013.

References (transliteration):

1. Agaev A.G. Natsiologiya: filosofiya natsional'noi ekzistentsii. Makhachkala: Izd-vo DGU, 1992.
2. Anri V.A. Rol' Leibnitsa v sozdanii nauchnykh shkol v Rossii // Uspekhi fizicheskikh nauk. T. 169. S. 1329-1331. (ru.wiki sours.org. wiki).
3. Bibler V.S. Obraz prostetsa i lichnosti v kul'ture srednikh vekov (Zametki na polyakh knigi A.Ya. Gurevicha "Problemy srednevekovoi narodnoi kul'tury") // Na granyakh logiki kul'tury: Kniga izbrannykh ocherkov. M., 1997.
4. Burd'e P. Nachala. M.: Socio-Logos. 1994.
5. Gurevich A.Ya. Problemy srednevekovoi narodnoi kul'tury. M., 1981.
6. Gurevich P.S. Filosofiya kul'tury. M., 2001.

7. Guseinov A.A. Moral' // Obshchestvennoe soznanie i ego formy / Predisl. i obshch. red. V.I. Tolstykh. M.: Politizdat, 1986. S. 144-202.
8. Zinov'ev A.A. Kommunizm kak real'nost'. M., 1980.
9. Zinov'ev A.A. Na puti k sverkhobshchestvu. M., 2000.
10. Kokh R. Printsip 80/20. M., 2004.
11. Kuzanskii N. Prostets o mudrosti. Kniga 1 // Kuzanskii N. Soch.: V 2-hk tt. T. 1. M., 1979.
12. Nikol'skii S.A. Zemledelie i krest'yanstvo kak prirodno-istoricheskoe yavlenie // Voprosy filosofii. 1991. № 2. S. 13-24.
13. Safronov A.L. Natsiya i etnos kak sushchnostno razlichnye sotsial'nye fenomeny: novaya paradigma sotsiogeneza // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 7. S. 106-112.
14. Sizemskaya I.N. Russkaya intelligentsiya i vlast' // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 6. S. 39-47.
15. Sizigiya // Slovar' analiticheskoi psikhologii. (<http://enc-dic.com/psyanal/Sizigiya-221.html>).
16. Solov'ev V.S. Sochineniya. T. 2. M., 1988.
17. Tishchenko P.D. Golos, rozhdayushchiysya na konchike pera: filosofsko-antropologicheskoe razmyshlenie o prirode intelligentsii // Arkhe. Vyp. 6 / Red. I.E. Berlyand. M.: RGGU, 2011.
18. Freidenberg O.M. Mif i literatura drevnosti. M., 1978.
19. Chesnov Ya. V. Virtualistika: filosofsko-antropologicheskii analiz. Saransk, 2008.
20. Chesnov Ya.V. Geneticheskie predstavleniya v mentalitete chechentsev // Kul'tura Chechni. Istoriya i sovremennost'. M.: Nauka, 2001. S. 154-163.
21. Chesnov Ya.V. Germenevtika znaniya v narodnoi kul'ture (Spetsial'naya teoriya antropotsenoza) // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 3. S. 413-425.
22. Chesnov Ya.V. Germenevtika skrytykh tekstov: mif, titanizm i dolgozhitel'stvo // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 5. S. 680-691.
23. Chesnov Ya.V. Lektsii po istoricheskoi etnologii. M.: Gardarika, 1998.
24. Chesnov Ya.V. Narodnaya kul'tura. Filosofsko-antropologicheskii podkhod. M.: Kanon+, 2014.
25. Chesnov Ya.V. Tibeto-birmanskije narody // Mify i religii mira. M., 2005.
26. Yung K.G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: Kanon+, 2013.